

Кураев Андрей, диак. Доброе слово об инквизиции

Из книги «Неамериканский миссионер», гл. «Материалы к реферату на тему «Религия и наука»», ч. 1.

Уже века этак полтора светские школы выращивают тараканов для подселения их в головы учеников. Один из самых откормленных тараканищ — это тот, который окапывается где-то в районе левого уха и своими усами раздражает ту нейронную цепочку, с помощью которой вышколенный человек твердит: «Наука и христианская догматика несовместимы!!! Наука рождалась, преодолевая яростное сопротивление церковных мракобесов! И только по мере высвобождения людей от оков средневековой схоластики родилась научная мысль!».

Этот словесный поток настолько привычен (ибо начал он свое журчание еще в дореволюционных школах, тем самым и готовя «великий переворот»), что желания поверить его кажущуюся «гармонию» с помощью «алгебры» (то есть логики и истории) не возникает.

А ведь даже в этих привычных штампах есть доля истины, которая — при серьезном отношении к ней — способна освободить сознание от чар атеистической пропаганды. Эта доля истины в том, что наука и в самом деле рождается по мере выхода человечества из Средневековья.

Ну а теперь — вопросы.

Первый — если наука рождается в некую эпоху, значит, она не всегда сопутствовала человечеству? Человек же ведь всегда интересовался окружающим его миром. Всегда старался познать его. Но научный способ познания мира появился не с рождением человека, а с рождением науки. Значит, наука есть не просто стремление что-то узнать о мире, а познание с помощью определенных методов. Значит, есть несколько методов познания мира человеком, и наука — лишь один из них. Этот метод замечательно эффективен. Но — универсален ли? Подходит ли он для разрешения всех проблем, возникающих при познании человеком своего места в мире?

Второй вопрос — если наука родилась на некотором этапе исторического развития человечества, может ли она находиться лишь в отношении конфликта с тем миром, который ее и породил? Конечно, в определенную минуту ребенок прилагает усилия, чтобы выбраться из лона матери, а мать прилагает усилия к тому, чтобы вытолкнуть ребенка из себя. Но значит ли это, что отношения ребенка и его матери должны быть описываемы только в терминах конфликтологии? Если наука родилась на выходе из мира Средневековья, значит, именно в этом мире она как минимум была зачата и выношена...

Третий вопрос — наука рождается в минуту выхода из Средневековья всего человечества или только некоторой части его? Если только части — то, может, средневековая история именно этой части была в чем-то специфична? Если наука рождается на исходе именно западного мира из своего Средневековья, не значит ли это, что в западном Средневековье (в отличие от индийского или арабского) было что-то, что способствовало рождению науки?

Четвертый вопрос — если наука противоречит именно христианству, то отчего же другие культуры не привели к рождению науки? Отчего только христианство с его якобы глубочайшей антинаучностью создало культуру, в которой и произошла научная революция XVI–XVII веков?

Пятый вопрос — если научная революция происходит на исходе европейской культуры из Средневековья, то на выходе к чему же она именно произошла? Ведь мало сказать, что нечто произошло при выходе из молельной комнаты. Интересно узнать, что за комната

начиналась за порогом молельной. Был ли там танцевальный салон или библиотека, ванная или лаборатория? Куда шел выходящий?

Все эти вопросы сводятся к одному: почему Коперник, Галилей, Ньютон и Декарт были христианами? Почему не буддистами? Не мусульманами? Не конфуцианцами?

Наука — не там, где человек просто интересуется природой. Наука — не там, где человек даже верно фиксирует те или иные природные феномены или высказывает гипотезы, которые потом оправдываются. Оленевод едет по тундре и поет песнь, слагая ее по принципу «что вижу — о том пою». Все в этой песне может быть верно: снег и в самом деле белый, а олешки и в самом деле быстрые... Но, несмотря на всю правдивость этого текста, назвать его научным нельзя. В науке принято демонстрировать не только пойманную щуку, но и удочку и наживку, на которую рыба была поймана.

Наука есть там, где предлагаются четко осознанные, отрефлексированные методы сбора и проверки информации и суждений. В исследовании природы первыми такими методами стали метод экспериментирования и метод математического моделирования физических процессов. И оба эти метода появляются как раз на стыке XVI–XVII веков.

Так почему — не раньше? Почему — не в другом месте, а именно в Европе? И — в какой Европе? В Европе еще христианской или же в Европе уже светской, «расхристанной»?

Чтобы понять то, что происходило в Европе XVI–XVII веков, надо обратиться ко временам гораздо более древним.

Мы знаем, что культура Средневековья была христианской. Что значит — в ее основе лежала Библия. А вот в основе Библии лежит весть о том, что единственно значимой связью (религией) является связь души и Бога. Бог Библии надмирен, то есть надкосмичен. Он не часть космоса и не олицетворение его стихий. Он — не Солнце, а Создатель Солнца. Он — не Луна, а Творец Луны.

Библейские пророки предостерегают от идолопоклонства, то есть от поклонения тому, что тварно, тому, что не-Бог. Язычник же в каждом природном процессе предполагает душу и действие некоего божка. Чтобы отучить людей от анимизма («все полно богов»), Библия решает в жертву религии принести эстетику. Не любуйся миром, не увлекайся им. Сначала пойми, что мир и Бог — не одно и то же и что твоя первая любовь должна быть ко Творцу. Ни одной пейзажной зарисовки, ни одного портрета нет на страницах Библии. Ее мир создан скорее инженерами, чем художниками: есть инструкция, как построить Ноев ковчег — но нет его описания; есть инструкция, как построить храм Соломона — но нет импрессионистских заметок о том, как он «смотрелся»; есть описание того, как в шесть дней был построен мир — но нет описания прелестей этого мира.

Нет в Библии астральных мифов, которые столь органичны в мире языческих религий. Нет рассказов о том, куда уходит Солнце на ночь, чья рожица на Луне, о том, кто пролил молоко на Млечный путь, и о том, от кого же у Большой Медведицы появился медвежонок. Так что, «когда христианство приравнивают к самым диким мифам, я не смеюсь, и не ругаюсь, и не выхожу из себя, я вежливо замечаю, что тождество нельзя считать полным» [1].

Вот текст с первой страницы Библии: *И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной [для освещения земли и] для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов; и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю, и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый* (Быт. 1, 14–19).

О чем этот текст? — Ну что за вопрос: конечно, это библейский миф о творении Солнца, Луны и звезд. А вот и не «конечно». Это не миф, а полемика с мифом. В Египте и Вавилоне, Финикии и Ханаане Солнце и Луна — это величайшие боги. А с точки зрения библейского автора, их религиозный статус столь малозначителен, что даже по именам их можно не называть. Так, «два светила». Две шпаргалки для людей, чтобы те знали, когда на какую работу надо выходить и когда праздновать Единому Богу, создавшему эти лампочки. То, что в этом тексте не употребляются слова «Солнце» и «Луна», означает, что это профанирующий текст. То, о чем миф говорил поэтическим языком, о том Библия говорить отказывается вообще, демонстративно переходя на инженерную терминологию: «А еще построил архитектор две системы освещения — одну основную («в начале дня»), а другую аварийную («в начале ночи»)». Все! После этого ни малейшего желания поклоняться лампочкам уже не возникает. Светила — для людей, а не человек — для светил.

И более ничего о звездах из Библии узнать нельзя. Что и позволит Галилею напомнить инквизиторам, что в Библии даже не перечислены по именам «семь светил», а посему «Библия учит нас тому, как взойти на небо, а не тому, как устроено небо» [2].

Итак, именно потому, что Бог Библии надкосмичен, Библия не содержит в себе догматов о природе и ее законах. Что и делает библейскую традицию чрезвычайно пластичной в решении вопросов науки. Ибо ничто так легко не согласуется с чужими и новыми взглядами, как молчание. Библия же о природе именно молчит.

Но хотя религиозный человек может жить, не интересуясь космологией, обычный человек и тем более целая культура долго без таковой обходиться не могут. Средневековая культура также включала в себя набор космологических представлений. Но откуда же она могла их почерпнуть, если в Библии таковых не содержится? Средневековье взяло их из своего второго источника — из античного наследия.

Но ведь это наследие не просто «античное». Оно еще и «языческое». И начался многовековой сеанс экзорцизма — изгнания из космологических представлений языческих пережитков. Одним из наиболее значимых моментов было осуждение аверроистов (аристотеликов) 7 марта 1277 года парижским епископом Этьеном Тампье. Среди 219 анафематствованных тезисов особо примечателен для судеб астрономии пункт 92-й. Он осуждает учащихся о том, будто «небесные тела движутся внутренним принципом, каковой есть душа; они движутся подобно живому существу именно душой и ее устремленностью: потому как животное движется, поскольку стремится к чему-то, так движется и небо». У звезд нет души, значит, их движение должно описываться на языке механики, а не психологии.

И все же Средние века на Западе кончились тем, что сама христианская Церковь начала расползаться в нечто аморфно-всеядное. Эпоха Возрождения — это возрождение язычества. Римские папы, увлекающиеся гороскопами; богословы, в чьих трудах чаще звучит Аристотель, чем апостол Павел... Но XVI век — это век реакции. Здоровой христианской реакции на временную капитуляцию христианской воли и мысли перед приманками языческой плотской и философской вседозволенности. Переход от Возрождения к Новому времени — это переход от карнавала к посту. Это век Реформации (и Контрреформации). Это век величайшего религиозного напряжения за всю историю Западной Европы. Это век, отнюдь не равнодушный к вопросам веры. Наука рождается тогда, когда в Европе запыхали религиозные войны... «Секуляризованные», равнодушные к религии народы религиозных войн не ведут.

Призыв лютеран «только Писание» был протестом не столько против церковных преданий, сколько против раболепствования перед авторитетом языческих философов. Это — меч, направленный не против Иоанна Златоуста, а против Аристотеля и Гермеса Трисмегиста. Не христианские догмы разрушала Реформация и рождающаяся наука, а догмы языческой философии. Ссылка на Аристотеля стала недостаточной.

Итак, пафос христианской Реформации — это призыв к дисциплине ума, воли и чувств. Этот призыв чужд ли науке? Английский химик Бойль видел религиозное применение науки в привлечении разума исследователя для борьбы с чувственными страстями: «Кто может заставить малейшие случаи в собственной жизни и даже цветы своего сада читать ему лекции по этике и теологии, тот, мне кажется, вряд ли будет испытывать потребность бежать в таверну» [3]. Аргументация понятна: с одной стороны, любой росток свидетельствует о Разуме, создавшем его, с другой — исследователь за пестрым многообразием мира научается видеть его внутреннюю стройную законосообразность. Научившийся видеть законы в природе будет почитать и те законы, что вписаны в человеческом сердце, и, следуя им, будет идти путем заповедей и уклоняться от греха.

Общим знаменателем науки и веры в XVI–XVII веках стала идеология аскетизма. Рационализм этой поры — это не триумфализм гуманистов. Сомнение стоит у истоков европейской науки. В это время не только Декарт сомневается в себе, в мире и Боге. Линн Уайт замечает, что начиная с 1300 года и по 1650 год европейцам была свойственна одержимость сюжетами, относящимися к смерти. Развивается символика отчаяния. Некрофилия была столь распространена, что любой протест против жестокости считался аморальным. «Любая из стихий чиста. А наши души с грязью пополам», — написал поэт этого века [4].

Средние века дорожили словом Августина: «Если бы я только увидел себя, я бы увидел Тебя». Но теперь сложилось убеждение, что человек со своим узким эгоизмом, своеволием и буйством низменных страстей (с особой силой проявившихся в бедствиях войн XVII века: в Тридцатилетней войне Германия потеряла две трети своего населения [5]) служит далеко не лучшим пособием для изучения Божия закона. В человеке действие этих законов замутнено, искажено хаосом его аффектов. Физический же мир являет для пытливого ума естественные законы в чистом виде. Однако для их постижения человек сам должен вначале очиститься от скверны своего своеволия.

Собственно, уже в IV веке святитель Иоанн Златоуст приводит в пример человеку движение звезд, которые не отклоняются от своего пути, в отличие от человека: «Небо, и Солнце, и Луна, и хор звезд и все прочие твари находятся в великом порядке, а наши дела в беспорядке» (Беседа 1 о диаволе, 7).

Но в XVI–XVII веках возникает новая форма духовной бдительности и готовности не доверять очевидным утверждениям. Открытие перспективы в живописи и открытие предрассудков в философии суть в равной степени основополагающие события Нового времени: мир, как он кажется, и мир, как он есть, — не одно и то же. И все это требует дисциплины мысли, проверки того, что кажется очевидным. А тут Коперник пояснил, что истину можно найти только вопреки данным человеческих чувств (ибо чувства-то нам твердят, что Земля неподвижна, а по небу ходит именно Солнце).

Итак, «не смех и буйство плоти средневекового карнавала, не ренессансный блеск красоты и стремление к славе, а глубокая внутренняя сосредоточенность, в тишине которой можно расслышать голос личной судьбы и смысла жизни, становится главной жизненной ориентацией. Возникновение механистической философии, становление экспериментального метода в науке и расцвет в XVII веке жанра натюрморта имеют одни и те же социальные корни. В натюрморте, с одной стороны, отказ от мирских радостей, а с другой — пристальный интерес ко всем подробностям мира. Для просто «любования» не нужно было убивать природу. Подобный же настрой на размышления о смерти создавали в XVII веке механические устройства. Если живая природа ассоциировалась с аффектами, свойственными поврежденной человеческой природе, то механические устройства — с полным контролем разума над собой и миром. Образ мира как часового механизма и образ Бога как часовщика воспринимались как душеспасительные. Парадоксально, но образ искусственной вещи, «мертвой природы», механизма противопоставлялся протестантизмом

XVII века явлениям живой природы как выражение высшей духовности в противоположность ветхой «душевности» [6].

Именно в силу своей противопоставленности миру человеческих аффектов и страстей мир природной рациональности и неизменности выглядит чем-то нравственно привлекательным.

Мир, в который выходит Европа из Средневековья (точнее, из периода ренессансного кризиса Средневековья), — это мир Реформации. Мир религиозного напряжения.

Реформация в поиске союзников против Рима обратилась к народу. Началась новая волна внутриевропейского миссионерства. И тут оказалось, что обыватель по сути не знаком с христианством. Оказалось, что язычество живет отнюдь не только в кардинальских палатах, но и в крестьянской избе. Оказалось, что крестьяне в католическом священнике видят скорее мага, чем проповедника и учителя. И раз уж протестантизм отверг авторитет священника, то замену ему легче всего оказалось найти в деревенской колдунье, а не в городском профессоре богословия. Интеллектуальная элита Европы открывает для себя мир ночных суеверий народа — мир ведьм. И начинается охота на ведьм. И начинается расцвет инквизиции. И рождается наука.

Ну вот, никак при разговоре о рождении науки не уйти от этого мерзкого слова — «инквизиция». А раз уж речь зашла об инквизиции (а у светских людей всегда речь заходит о ней, стоит лишь упомянуть о Церкви), то задержимся на этой грустной странице церковной истории подольше.

Сразу скажу, что именно чтение современной оккультной литературы заставляет как-то иначе отнестись к инквизиции и охоте на ведьм. Пока люди не верят в ведьм, колдовство и порчу, охота на ведьм кажется несусветной дикостью, сугубо позорной для христиан. Но если это всерьез? Если действительно возможно такое черное воздействие на человека, для которого ни расстояние, ни стены не являются преградой? И если действительно есть люди, готовые приносить самые страшные жертвы ради получения «черной благодати»?

Людей Средневековья постоянно обвиняют в суевериях. Но ведь эти «суеверия» они вычитали не в Библии и не в патристических творениях. Молва распространяла секреты, выползшие за пределы колдовских кухонь. Ведьмы сами уверяли, что их ничто не берет, что они в огне не горят и в воде не тонут и что за некоторую плату они могут на любого порчу навести. Ведьмы убедили народ, а затем и иерархов в своей реальности и в своем могуществе — и последовал ответ, последовала реакция общественной самозащиты.

Прежде чем обвинять тех впечатлительных христиан (или меня) в нетерпимости и человеконенавистничестве, попробуйте сами спрогнозировать свою реакцию. Представьте, что вы поверили сообщению Блаватской о том, что «в древние времена фессалийские колдуньи к крови черного агнца примешивали кровь новорожденного младенца и с помощью этого вызывали тени умерших» [7]? А если при вас ваша соседка заявила о своей решимости возобновить древние колдовские обряды [8] и сказала, что духи, у которых она находится на выучке, считают ее колдуньей [9]?

Примечания

[1] Честертон Г. К. Вечный человек. М., 1991. С. 139.

[2] Вообще-то это слова, которые Галилею сказал кардинал Бароний еще в 1598 году (см.: Фантоли А. Галилей. В защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви. М., 1999. С. 145).

[3] Цит. по: Косарева Л. М. Генезис научной картины мира. М., 1985. С. 44.

- [4] Цит. по: Современные зарубежные исследования по философии и генезису науки (позднее Средневековье и Возрождение). Сб. обзоров. М., 1980.
- [5] См.: Цветков С. Э. Карл XII. М., 2000. С. 21.
- [6] Косарева Л. М. Генезис научной картины мира. С. 65.
- [7] Блаватская Е. П. Разоблаченная Изиды: В 2 т. Т. 2. Рига, 1937. С. 671.
- [8] «Когда я была в Барри (в Италии), учась у местной колдуньи...» (Блаватская Е. П. Письма А. П. Синнету. М., 1997. С. 307).
- [9] «Урусвати, люблюсь тобою. Я заглянул в школу. Я увидел чудесную колдунью» (Агни-йога. Высокий путь. Ч. 1: 1920–1928. М., 2002. С. 115).

[Ссылка на источник в Web](#)